

X 1896 г. Фев. 7
Фабрица

„ГР. Н. Н. МУРАВЬЕВЪ-АМУРСКІЙ.“

Сочиненіе И. Барсукова.

РЕЦЕНЗІЯ

ПРОФЕССОРА ХАРЬК. УНИВ. ПЕТРА БУЦИНСКАГО.

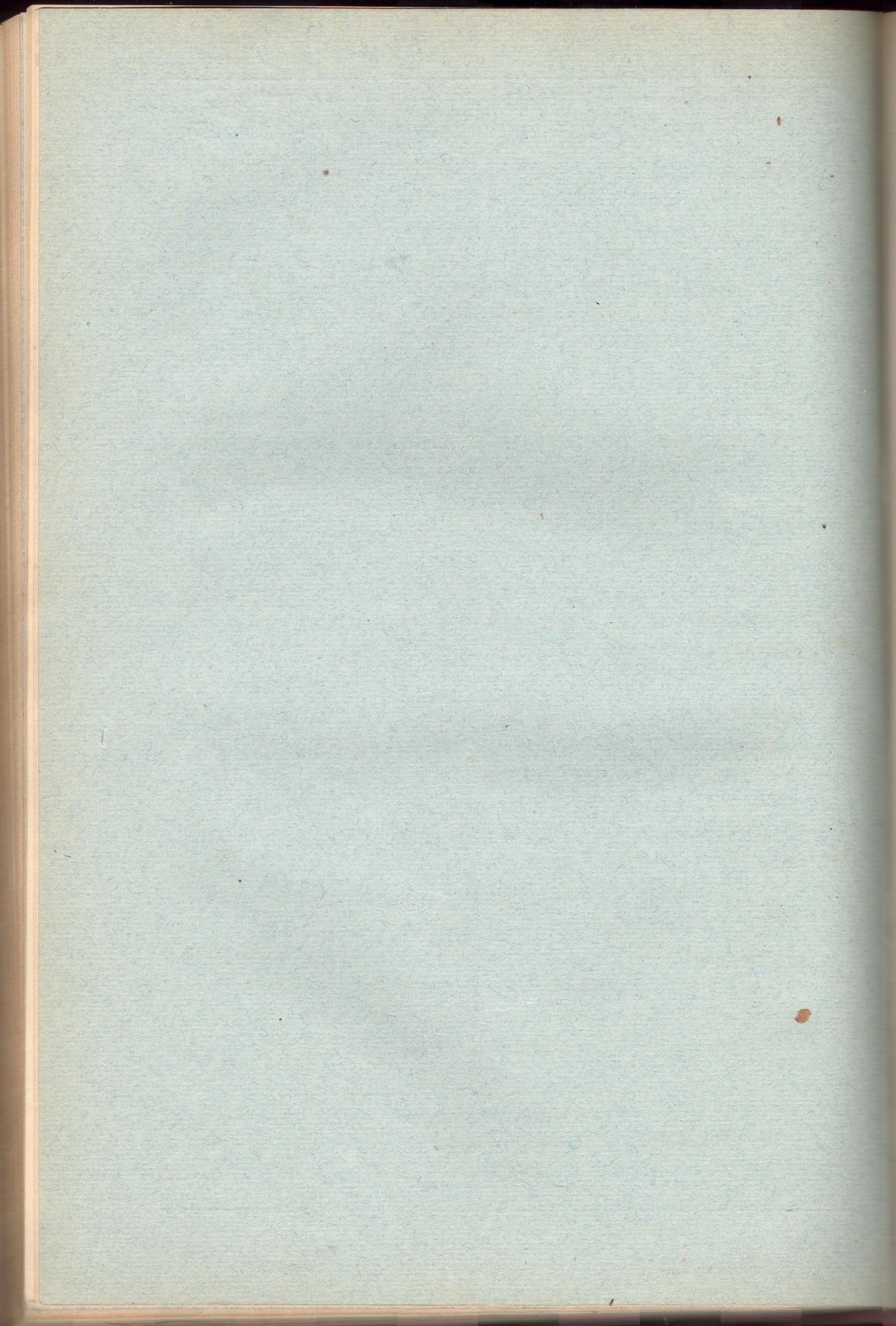
— ❁ —

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12).

1895.

„ГРАФЪ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ-АМУРСКІЙ“.

Соч. Ивана Барсукова.

Рецензія проф. Харьковскаго университета Петра Бущинскаго.

Еще въ 1857 г. въ печати поднялась полемика по поводу дѣятельности Муравьева въ Сибири: тогдашніе журналы — «Морской Сборникъ», «Вѣстникъ Промышленности», «Русскій Вѣстникъ», «Русское Слово», «Библіотека для чтенія» и нѣкоторыя газеты открыли свои страницы для статей, имѣющихъ предметомъ, главнымъ образомъ, Амуръ и устройство Амурскаго края. Но въ упомянутыхъ статьяхъ сообщалось столько разнорѣчивыхъ извѣстій и высказывались столь діаметрально противоположныя сужденія о дѣятельности въ новоприсоединенномъ краѣ что читатель не могъ составить себѣ никакого опредѣленнаго понятія о томъ, что его интересовало: въ однѣхъ статьяхъ восхвалялись дѣйствія Муравьева, а въ другихъ набрасывалась самая мрачная тѣнь на его дѣятельность. Нѣкто М. Те — въ своей статьѣ «Исторія рѣки Амура», напечатанной въ декабрьской книжкѣ «Вѣстника Промышленности» за 1859 г., разобравъ все то, что писалось въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ объ амурскихъ дѣлахъ, пришелъ къ такому заключенію: «Если бѣдный читатель обратится къ печатному слову, то придетъ въ совершенное недоумѣніе; сомнѣніе закрадется въ его душу, и онъ окончательно не будетъ знать: гдѣ правда, гдѣ ложь, гдѣ желаніе общаго блага, гдѣ личный интересъ, какіе авторы статей объ Амурѣ желаютъ

сообщать свѣдѣнія вѣрныя, добросовѣстно, пользуясь довѣріемъ читателя, и какіе употребляютъ во зло это довѣріе и играютъ съ обществомъ, какъ съ дѣтьми, — играютъ не совсѣмъ въ невинныя игры, а въ азартныя, въ такія, которыя ведутъ къ гибели, можетъ быть, цѣлыя семейства, когда они, завлеченныя, вздумали бы принять участіе и повѣрили бы на-слово автору. Тутъ не невинная игра; тутъ могутъ прійти различныя мысли въ голову, которыя и позволяютъ предполагать и допускать различныя цѣли, или низкую лесть, или тщеславіе, или другую какую-нибудь страсть человѣческаго сердца, которая руководитъ ихъ дѣйствіями, но никакъ не подлежитъ оправданію и никакъ уже не невинная».

Въ другомъ мѣстѣ той же статьи читаемъ слѣдующее: «Еще разъ повторимъ, что сомнѣніе слишкомъ глубоко западаетъ въ душу, что недоумѣніе увеличивается все болѣе и болѣе, а объ Амурѣ узнаемъ все менѣе и менѣе. Можно прибавить только, что жалъ тѣхъ несчастныхъ, которые, увлекшись распущенными слухами, покинули свою осѣдлость, собрали послѣднія копѣйки и отправились искать счастья въ странѣ отдаленной». Хотя г. Те—въ не высказывается положительно за тѣ или другія извѣстія и сужденія объ амурскихъ дѣлахъ, но несомнѣнно, что его сочувствіе на сторонѣ статей обличительныхъ. «Остается еще благодарить тѣхъ, замѣчаетъ онъ, которые разоблачаютъ дѣло, гонятъ неправду, встаютъ противъ злоупотребленій. Эти бойцы за правду съ самоотверженіемъ рискуютъ нажать многихъ и сильныхъ враговъ, часто падаютъ подъ ихъ ударами; но доброе дѣло спасающее отъ гибели сотни, можетъ быть, тысячи семействъ, пускаетъ благодѣтельные корни въ общество, которое всегда хоть иногда и поздно оцѣниваетъ ихъ подвиги».

Намъ также пришлось, по нѣкоторому поводу, познакомиться съ хвалебными и обличительными статьями объ амурскихъ дѣлахъ, и мы не менѣе г. Те—ва были удивлены необыкновенными въ нихъ противорѣчіями. Замѣчательно еще то, что въ одномъ и томъ же журналѣ, напр. въ Морскомъ Сборникѣ печатались

статьи, одна другую совершенно опровергающія. А редакція, предоставляя въ своемъ журналѣ «полную свободу высказывать свои мнѣнія, съ цѣлію разяснить спорный вопросъ», успокаивала читателя только замѣчаніемъ, что «трудно найти страну, о которой было бы столько разнорѣчивыхъ извѣстій — какъ Приамурскій край». Однако «разясненіе спорнаго вопроса» не послѣдовало ни на страницахъ Морского Сборника, ни въ другихъ тогдашнихъ журналахъ, оставляя этотъ трудъ исторіи, которая и къ «амурскимъ дѣламъ» отнесется *sine ira et studio*.

Когда вышелъ въ свѣтъ трудъ г. Барсукова «Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій», то появленіе онаго мы встрѣтили съ особеннымъ вниманіемъ. Къ чтенію этой книги мы приступили уже съ готовыми вопросами: какъ почтенный историкъ отнесется къ бывшей когда-то полемикѣ объ амурскихъ дѣлахъ? На чью сторону склонится его судъ! Какъ онъ разяснитъ вышеупомянутый «спорный вопросъ» и какіе онъ представитъ намъ документальныя данныя въ подтвержденіе своего суда? Но прочитавши книгу г. Барсукова, мы пришли къ убѣжденію, что время исторической оцѣнки дѣятельности Муравьева въ Восточной Сибири и Приамурскомъ краѣ еще не настало, такъ какъ для этого нѣтъ еще настоящаго матеріала, что авторъ слишкомъ увлекся личностью Муравьева и это увлеченіе помѣшало ему отнестись объективно, безпристрастно и къ его дѣятельности.

Уже въ самомъ эпиграфѣ сказывается пристрастіе автора къ Муравьеву. Это — отрывокъ изъ рѣчи Инокентія, произнесенной имъ по случаю заложенія храма въ Благовѣщенскѣ въ 1858 г. 24 іюня. «Если бы, паче чаянія, когда-нибудь и забыло тебя потомство, обращается ораторъ къ Муравьеву, и даже тѣ самые, которые будутъ наслаждаться плодами твоихъ подвиговъ, то никогда, никогда не забудетъ тебя наша Православная церковь». Въ этомъ эпиграфѣ авторъ послѣ слова церковь произвольно поставилъ точку вмѣсто запятой, очевидно для того, чтобы усилить впечатлѣніе въ пользу Муравьева. Читатель можетъ подумать, что можетъ быть Муравьевъ и въ самомъ дѣлѣ

оказалъ особенные подвиги въ честь Православной церкви. Но такихъ подвиговъ не было, и преосвященный Инокентій выразился въ своей рѣчи такимъ образомъ: «никогда, никогда не забудеть тебя наша Православная церковь, всегда вспоминающая даже созидателей храмовъ; а ты, богоизбранный мужъ, открылъ возможность, надежды и виды къ устроению тысячи храмовъ въ семь неизмѣримомъ бассейнѣ Амура». Совсѣмъ иное впечатлѣніе! То есть Муравьевъ оказалъ такой же подвигъ, какъ и всѣ русскіе казаки и промышленники, покорившіе громадную Сибирь и тоже открывшіе *возможность, надежды и виды къ устроению тысячи храмовъ.*

Взявши панегирическій тонъ въ эпиграфѣ, г. Барсуковъ излагаетъ дѣло въ томъ же тонѣ отъ начала до конца книги. На первой страницѣ онъ даетъ намъ такую характеристику своего героя: «Доблестный воинъ, мудрый администраторъ, одаренный умомъ государственнымъ, необыкновенной энергіей и предприимчивостью, онъ постоянно руководился мыслию быть полезнымъ Государю и отечеству. Глубоко вѣруя въ Промыслъ Божій, онъ былъ чрезвычайно твердъ въ борьбѣ съ обстоятельствами и невзгодами жизни, необыкновенно послѣдователенъ и настойчивъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Всегда и во всемъ оставаясь вѣренъ себѣ, Муравьевъ, не смотря на всѣ препятствія, неуклонно шелъ къ намѣченной цѣли. Человѣкъ рѣшительный, часто вспыльчивый, онъ въ то же время былъ прямодушенъ, честенъ и справедливъ; беспощадно преслѣдовалъ ложь, лихоимство и нерадѣніе къ служебному долгу; но за то и умѣлъ отличать достойныхъ, былъ памятливъ къ заслугамъ и щедръ на награды. Въ своей домашней обстановкѣ Муравьевъ былъ простъ и доступенъ для всѣхъ; съ подчиненными былъ привѣтливъ, и своей добротой и сердечностью такъ умѣлъ привязывать ихъ къ себѣ, что они готовы были идти за него, какъ говорится, въ огонь и воду» (стр. 1). Въ другихъ мѣстахъ своей книги Барсуковъ говоритъ о необыкновенной политической проницательности Муравьева, его дипломатическихъ и военныхъ талантахъ, о жгучей силѣ рѣчи его, что онъ служилъ

только изъ любви къ дѣлу и къ отечеству и пр. и пр. Словомъ никакихъ недостатковъ авторъ не усматриваетъ у Муравьева, не видитъ ни одной черной тѣни въ его дѣятельности. Съ такою характеристикою можно помириться развѣ только потому, что de mortuis aut bene, aut nihil. Но она далеко не соотвѣтствуетъ исторической правдѣ и не оправдывается тѣмъ историческимъ матеріаломъ, на основаніи котораго почтенный историкъ составлялъ свою книгу. Современникъ и сослуживецъ на Кавказѣ Филипсонъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ о Муравьевѣ слѣдующее: *«Господствующими страстями Н. Н. Муравьева были — честолюбіе и самолюбіе. Для ихъ удовлетворенія онъ былъ не всегда разборчивъ на средства. Малаго роста, юркій и живой, съ чертами лица некрасивыми, но оригинальными, онъ имѣлъ бойкія умственные способности, хорошо владѣлъ перомъ и былъ хорошо свѣтски образованъ. У него были какія-то кошачьи манеры, которыя быстро исчезали, когда нужно было показать когти. Подъ вліяніемъ огорченія онъ не умѣлъ сдерживать своего раздраженія и легко рѣшался на крайнія мѣры. Въ бесѣдѣ, особенно за бутылкой вина, онъ высказывалъ довольно рѣзко либеральныя убѣжденія, но на дѣлѣ легко отъ нихъ отступался. Онъ умѣлъ узнавать и выбирать людей, стоялъ за своихъ подчиненныхъ и особенно любилъ приближать къ себѣ молодежь, выдающуюся надъ невысокимъ уровнемъ общаго образованія. Со всѣми разжалованными онъ былъ очень ласковъ и внимателенъ; но, какъ самъ онъ говорилъ, это не помѣшало бы ему каждому изъ нихъ повѣсить или разстрѣлять, еслибъ это было нужно. Вообще съ своими подчиненными онъ былъ склоненъ къ крайнему деспотизму и нерѣдко ни во что ставилъ законъ и справедливость»*. Мы просимъ читателя обратить особенное вниманіе на этотъ отзывъ о Муравьевѣ его современника и запомнить подчеркнутыя нами мѣста. Филипсонъ, по нашему мнѣнію, вѣрно отмѣтилъ нѣкоторые основныя свойства личности Муравьева, и намъ не разъ прійдется встрѣтиться съ ними при разборѣ дѣятельности послѣдняго.

Обратимся теперь къ историческому матеріалу и посмотримъ, къ какимъ заключеніямъ онъ приведетъ насъ относительно личности и дѣятельности Муравьева. «Изъ рукописныхъ матеріаловъ, замѣчаетъ г. Барсуковъ, самое важное значеніе для насъ имѣютъ письма Муравьева, которыя такъ ярко обрисовываютъ этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля...». Мы вполне соглашаемся съ этимъ замѣчаніемъ и попробуемъ на основаніи этого матеріала раскрыть, такъ сказать, душу Муравьева. Окончивши прекрасно курсъ въ Пажескомъ корпусѣ въ 1827 г., Муравьевъ поступилъ на службу прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ; ему было только 17 лѣтъ. Въ слѣдующемъ 1828 г. началась турецкая война, и Финляндскій полкъ былъ отправленъ на Балканскій полуостровъ. Муравьевъ впервые участвовалъ въ дѣйствительномъ сраженіи подъ Варной 16 сентября 1828 г. за оказанную храбрость удостоился получить Высочайшую признательность и чинъ подпоручика. Послѣ взятія Варны Финляндскій полкъ возвратился въ Россію, а Муравьевъ поступилъ адъютантомъ къ начальнику 19-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанту Головину, хорошему знакомому своего отца. Уже въ это время молодой Муравьевъ обнаруживаетъ энергію, жажду дѣятельности и заботы «о пополненіи своего формуляра», а, какъ извѣстно, адъютантамъ въ то время послѣднее легко удавалось. Въ письмѣ отъ 26 марта 1829 г. Муравьева къ брату читаемъ. «Хотѣлъ драться, но не удалось; но за то былъ за Балканами, и формуляръ немного понаполнится...» (стр. 18). Война турецкая окончилась для него довольно счастливо: онъ получилъ два чина и орденъ св. Анны 3-й ст. съ бантомъ. Въ 1830 г. Муравьевъ возвратился въ Петербургъ, и хотя ему было только 21 годъ, но онъ уже подаетъ прошеніе объ отставкѣ. «...Я же такъ серьезно дожидаясь только 27-го декабря, писалъ Муравьевъ своему брату, а тамъ штабсъ-капитаномъ увольняемся за болѣзнію, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья...» (стр. 24). Онъ имѣлъ особаго рода понятія о службѣ отечеству: въ мирное время, по его мнѣнію, не стоитъ служить,

потому что послужной формуляръ слишкомъ медленно пополняется. Но въ это самое время поднялось польское возстаніе и русскимъ войскамъ объявлено о походѣ въ Польшу. «Это объявленіе о походѣ, говоритъ авторъ, снова возжгло пылкое сердце Ник. Ник. Муравьева, и онъ уже былъ готовъ пожертвовать собою для борьбы съ польскими мятежниками». «...Послѣ твоего отъѣзда, писалъ Муравьевъ брату, получены были различныя извѣстія о движеніяхъ войскъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и желаніе мое участвовать въ оныхъ увеличилось; папинька, замѣтивъ сіе, присовѣтовалъ мнѣ попытаться возвратить мою отставку, что я немедленно и исполнилъ безъ большихъ затрудненій...». Вмѣстѣ съ тѣмъ у Муравьева явилось снова желаніе служить адъютантомъ и притомъ у самого главнокомандующаго Дибича; отецъ Муравьева, статсъ-секретарь, немедленно отправилъ къ послѣднему письмо съ просьбой взять сына адъютантомъ. Но дѣло это не удалось: Дибичъ даже не отвѣтилъ на письмо. «Намъ съ тобою, писалъ Муравьевъ брату, Валеріану, кажется, не вездѣ удачи: на послѣднее письмо папинькино обо мнѣ до сихъ поръ нѣтъ отвѣта,—вѣроятно и не будетъ, слѣдовательно не такъ легко, какъ ты думалъ... Дѣлать нечего, любезный Валеріанъ, видно, намъ суждено отличиться во фронтѣ, и съ Божіей помощью не ударимъ лицомъ въ грязь...» Предъ переходомъ польской границы Муравьевъ писалъ брату: «желаю во-первыхъ подрасть, а во-вторыхъ остаться живымъ и не тяжело раненымъ». Но Муравьеву не долго пришлось «отличаться во фронтѣ»: въ Польшѣ онъ встрѣтилъ стараго своего знакомаго генераль-лейтенанта Головина, начальника теперь 26-ой пѣхотной дивизіи, и немедленно поступилъ къ нему адъютантомъ. Итакъ Муравьевъ все-таки добился адъютантства, хотя и не у главнокомандующаго. Скоро и другое его желаніе исполнилось: 17 августа онъ былъ контуженъ въ правую ногу пулею.

Поляки были усмирены; война окончилась. Муравьевъ немедленно взялъ четырехмѣсячный отпускъ и отправился въ Петербургъ. Съ дороги онъ писалъ брату: «до сихъ поръ я ничего не получалъ и ничего не ожидаю» (стр. 46). Но на самомъ дѣлѣ

Муравьевъ ничего не ожидалъ. Въ письмѣ отъ 5 января 1831 г. онъ писалъ къ брату слѣдующее: «На вопросъ твой о полученныхъ мною наградахъ отвѣчаю: что я до сихъ поръ за 6 серьезныхъ сраженій, за 4 мѣсяца безпрестанныхъ стычекъ и самой трудной и дѣятельной службы ничего не получилъ, въ виду же имѣется за все одна награда, и то не чинъ, который бы мнѣ очень былъ кстати при продолженіи службы и къ которому я представленъ за 2-е іюля и всю службу до сего сраженія; т. е. какъ самое сраженіе и всѣ къ оному принадлежности были самыя трудныя, опасныя и жестокия; послѣдствія же сего сраженія едва-ли не самыя замѣчательныя во всей войнѣ, ибо мы, вслѣдствіе онаго, перешли Вислу безъ выстрѣла. Да, любезный Валеріанъ, меня отдѣлываютъ хуже твоего, но дѣлать нечего: служи, терпи, молчи,—вотъ мое назначеніе, и смотри съ почтеніемъ на тѣхъ, которые награждены безъ заслугъ и перескочили меня во всѣхъ отношеніяхъ. Знаю только то, что все рвеніе мое къ службѣ, особенно въ военное время, погаснетъ, и я, на ряду съ прочими, буду стараться какъ можно менѣе дѣлать и какъ можно менѣе подвергаться опасностямъ, коихъ прежде всегда самъ искалъ. Меня утѣшаютъ, говоря: впередъ все воротись! Нѣтъ, это трудно и не возможно, и какое же будетъ мнѣ удовольствіе за новыя опасности и за новые труды получать тѣ же награжденія, къ коимъ я уже давно представленъ былъ и которыя, поистинѣ могу сказать, заслужилъ; въ мирное время надобно 10 лѣтъ, чтобъ все сіе возратить, а въ военное время 10 разъ убитымъ, прежде чѣмъ имѣть случай все сіе получить, особенно, если награждать будутъ по нынѣшнему. Словомъ сказать, во всей арміи нѣтъ человѣка менѣе меня награжденнаго...» (стр. 48).

Въ этомъ письмѣ довольно рѣзко обнаружились основныя черты личности Муравьева — самомнѣніе и тщеславіе; мы въ немъ узнаемъ того Муравьева, котораго характеризовалъ Филлипсонъ. «Вслѣдъ за прекращеніемъ военныхъ дѣйствій (въ Польшѣ), замѣчаетъ г. Барсуковъ, мы видимъ поручика Муравьева въ крайне угнетенномъ состояніи духа». Мы вполне

раздѣляемъ горе Муравьева и сѣтованіе его на начальство считаемъ вполне естественнымъ: онъ человѣкъ и ничто человеческое ему не чуждо. Однако Муравьевъ напрасно сѣтовалъ на начальство; представленія Головина имѣли полный успѣхъ: въ мартѣ мѣсяцѣ 1832 г. Муравьевъ заразъ получилъ три награды — Владимира 4-й ст., золотую шпагу за храбрость и польскій знакъ отличія. По истеченіи срока отпуска Муравьевъ снова отправился въ Польшу и еще цѣлый годъ состоялъ адъютантомъ при Головинѣ и былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны. Затѣмъ Муравьевъ въ началѣ 1833 г. по болѣзни вышелъ въ отставку. Въ продолженіе слѣдующихъ четырехъ лѣтъ онъ занимался хозяйствомъ въ имѣніи, пожалованномъ его отцу въ пожизненное владѣніе. Изъ переписки, относящейся къ этому времени, мы остановимся для нашей цѣли только на двухъ письмахъ. Головинъ, исправлявшій теперь должность военного губернатора Варшавы, писалъ къ своему бывшему адъютанту: «Будь увѣренъ, что всегда и вездѣ буду принимать во всемъ, до тебя касающемся, самое живое и искреннее въ пользу твою участіе». Изъ этого письма видно, какого покровителя имѣлъ Муравьевъ въ лицѣ Головина. Дѣла по имѣнію шли такъ дурно, что Муравьевъ въ виду матеріальныхъ разчетовъ рѣшилъ снова поступить на службу и обратился съ просьбой къ тому же Головину. Послѣдній не замедлил предложить мѣсто на 10 т. золотыхъ жалованья и «съ большими надеждами на будущность». По поводу этого предложенія Муравьевъ писалъ брату слѣдующее: ...«Но въ то же время не могу не ужасаться мысли вступить на службу; это будетъ рѣшительно противно и моимъ правиламъ, и моимъ понятіямъ, и моему честному, которое, какъ ты знаешь, довольно обширно, къ сожалѣнію. Дѣла будутъ процать, непріятностей куча, а толку мало; и сойду съ военного пути, который одинъ можетъ мнѣ обѣщать рано или поздно быстрое возвышеніе, замараюсь сослуженіемъ съ канальями, кои окружаютъ Головина, и унижу себя не только во мнѣніи общемъ, но и собственномъ» (стр. 57). Но Муравьеву не

пришлось служить въ Польшѣ: Головинъ былъ призванъ въ 1837 г. принять командованіе отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ и главное управленіе гражданскою частью и пограничными дѣлами въ Грузіи, Армянской и Кавказской областяхъ, а потому и Муравьевъ рѣшился поступить на кавказскую службу. Онъ опредѣленъ въ началѣ 1838 г. къ Головину для особыхъ порученій съ чиномъ маіора.

На Кавказѣ Муравьевъ быстро пошелъ въ гору: чрезъ два года кавказской службы онъ былъ произведенъ въ полковники и назначенъ исправляющимъ должность начальника 2-го отдѣленія Черноморской береговой линіи. Здѣсь Муравьевъ, какъ боевой служака, былъ вполне на своемъ мѣстѣ: его энергія, способность къ кипучей дѣятельности, умѣнье пользоваться обстоятельствами приносили значительную пользу службѣ. Но въ то же время оказывается онъ человѣкомъ безпокойнымъ, суетливымъ, никогда никѣмъ и ничѣмъ недовольнымъ. Въ письмахъ къ брату Муравьевъ постоянно докладываетъ, что разные кавказскіе начальники ничего не дѣлаютъ и не знаютъ, какъ взяться за дѣло; если бы слушались его, то и Шамиль былъ бы давно въ плѣну и кавказскіе горцы давно были усмирены и покорены, но его не цѣнятъ и не обращаютъ на него вниманія. Въ качествѣ исправляющаго должность начальника отдѣленія береговой линіи онъ былъ непосредственно подчиненъ генералу Раевскому. Но Раевскій, по мнѣнію Муравьева, не годенъ для той роли, какая выпала на его долю, онъ самъ мало дѣлаетъ и не даетъ возможности другимъ дѣлать: «Если не приняты будутъ мѣры, пишетъ Муравьевъ, къ приведенію Раевского къ покорности присягѣ..., то я съ нимъ служить не могу» (стр. 73). Скоро Раевскій получилъ отпускъ и на его мѣсто присланъ генералъ Анрепъ. Но и этотъ послѣдній, по мнѣнію Муравьева, никуда не годенъ (стр. 84). О начальникѣ штаба Коцебу онъ былъ также дурного мнѣнія (стр. 118); о корпусномъ командирѣ Нейдгардтѣ Муравьевъ писалъ къ брату, что «при Нейдгардтѣ нельзя ожидать пользы и отъ самыхъ удачныхъ военныхъ дѣйствій»

(стр. 147). Вообще, кто стоялъ выше по положенію, не могъ ожидать добраго о себѣ мнѣнія Муравьева, и эта черта тѣмъ болѣе сказывалась у послѣдняго, чѣмъ онъ самъ выше и выше поднимался по іерархической лѣстницѣ. Шесть лѣтъ пробылъ Муравьевъ на Кавказѣ; за это время онъ дослужился до генеральскаго чина и получилъ нѣсколько орденовъ. Отчасти болѣзнь руки, прострѣленной при штурмѣ одной непріятельской крѣпости, кавказская лихорадка, а главное, недовольство службою заставили Муравьева уволиться и оставить Кавказъ. «Съ нашими властями и безпорядкомъ нѣтъ возможности здѣсь оставаться», писалъ онъ брату. Но и внѣ службы Муравьевъ скучалъ и до-саждалъ. «Вопросъ твой о моихъ занятіяхъ, писалъ онъ брату Александру изъ Богородицка въ 1844 году, я удовлетворить не могу съ надлежащею ясностію и приличіемъ: ибо долженъ отвѣ-чать правду, что я просто бездѣйствую: читаю кое-что, иногда встрѣчается и порядочное, но это не дѣло; взялся было за работу корректорскую, но дѣло впередъ не подвигается, частью отъ лѣни, а больше отъ неспособности моей къ этому занятію... Если же тебя или брата Валеріана серьезно спросятъ обо мнѣ, то скажите: здоровье мое въ эти три мѣсяца значительно поправилось; отъ лихорадки избавился; за границу ѣхать лечить раненую руку — поздно, да и средства не дозволяютъ. Отъ службы я никогда не отказываюсь, если въ назначеніи дадутъ мнѣ средства быть по-лезнымъ, а не въ томъ горестномъ видѣ, въ которомъ я прозя-балъ послѣдніе 1½ года на Кавказѣ.... *Дѣла на Кавказѣ идутъ такъ, какъ этого ожидать должно было: еще въ началѣ 1839 г. я предсказывалъ въ Петербургѣ, что будетъ хорошо, и было не дурно, за исключеніемъ послѣднихъ дѣйствій Граббе, когда онъ ужъ слишкомъ занесся. Въ началѣ 1842 г. я говорилъ, что будетъ дурно, и не ошибся; но все это были цѣпочки; въ началѣ 1844 г. я придумывалъ¹⁾ что надо дѣлать, и полагалъ и полагаю, что будетъ дурно, когда этого не сдѣлаютъ...».*

¹⁾ Муравьевъ подавалъ пространную записку о военныхъ дѣйствіяхъ про-тивъ Шамиля, но на нее не обратили вниманія.

Въ 1845 г. графъ М. С. Воронцовъ отправлялся на Кавказъ въ качествѣ главнокомандующаго и намѣстника на мѣсто Нейдгардта. «Извѣстіе объ этомъ, говоритъ г. Барсуковъ, всѣхъ обрадовало, и въ особенности Муравьева. По прибытіи своемъ въ Петербургъ, за нѣсколько дней до выѣзда графа на Кавказъ, Муравьевъ счелъ долгомъ явиться къ нему и съ разрѣшенія военнаго министра предложилъ Воронцову свои услуги быть чѣмъ-либо полезнымъ на Кавказѣ». Казалось бы, что новому главнокомандующему необходимо было воспользоваться услугами человѣка, нѣсколько лѣтъ служившаго на Кавказѣ, знакомаго съ мѣстнымъ способомъ веденія войны, имѣвшаго даже дружескія сношенія съ нѣкоторыми мѣстными владѣтелями, человѣка энергичнаго и способнаго къ неутомимой дѣятельности. И что же? «Желаніе Н. Н. Муравьева, замѣчаетъ авторъ, служить на Кавказѣ *почему-то* не осуществилось». Но тутъ же онъ приводитъ письмо къ Муравьеву генералъ-адъютанта Анненкова, въ которомъ довольно ясно высказывается рѣшительный отказъ на его просьбу. «Спѣшу увѣдомить васъ, генералъ, писалъ Анненковъ, что вы вполне можете публиковать въ газетахъ объ отъѣздѣ за границу и готовиться къ отъѣзду. *Дѣло о Кавказѣ кануло въ воду. Будетъ заявлено, что ваши раны раскрылись, что вы просились въ шестимѣсячный отпускъ и получили его. Этимъ все будетъ сказано*» (стр. 150). Муравьевъ, конечно, хорошо понялъ, что означала фраза въ письмѣ Анненкова: «этимъ все будетъ сказано». Муравьевъ немедленно уѣхалъ за границу.

По возвращеніи въ Россію Муравьевъ причислился къ министерству внутреннихъ дѣлъ. На этомъ новомъ поприщѣ онъ въ началѣ 1846 г. былъ командированъ для ревизіи въ Новгородскую губ., а лѣтомъ того же года былъ назначенъ исправляющимъ должность военнаго губернатора города Тулы и Тульскаго гражданскаго губернатора. Но въ Тулѣ Муравьеву пришлось служить не долго: въ 1847 г. онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири. «Назначеніе такого молодого генералъ-губер-

натора Восточной Сибири, какъ пишетъ Венюковъ, своего рода событіе. Разные *gros bonnets* въ Петербургѣ паходили, что это скандалъ». Другой современникъ, Б. В. Струве, въ своихъ воспоминаніяхъ о Сибири рассказываетъ слѣдующее о назначеніи Муравьева генераль-губернаторомъ въ Восточную Сибирь. «Необычайно быстрое, по тогдашнему времени, повышение Муравьева составляло предметъ всеобщаго разговора въ столицѣ. Съ 14-го декабря 1825 г. Императоръ Николай, какъ извѣстно, не очень жаловалъ фамилію Муравьевыхъ и не назначалъ ихъ на высшія административныя должности... Поэтому служилая аристократія не мало была поражена извѣстіемъ, что Государь проѣздомъ чрезъ Тулу, неожиданно-негаданно, назначилъ молодого генерала Муравьева генераль-губернаторомъ Восточной Сибири. Догадкамъ и пересудамъ не было конца. Дошли до такой нелѣпости, что приписывали это назначеніе невозможной ошибкѣ со стороны гр. Орлова, которому будто бы повелѣно вызвать въ Тулу бывшаго корпуснаго командира Н. Н. Муравьева (Карскаго) для назначенія его генераль-губернаторомъ въ Восточную Сибирь, а онъ подставилъ тульскаго губернатора Муравьева (тоже Н. Н.). Между тѣмъ дѣло просто объясняется тѣмъ несомнѣннымъ вліяніемъ, которымъ Великая Княгиня Елена Павловна пользовалась въ нѣкоторыхъ случаяхъ у Императора Николая. Выборъ Н. Н. Муравьева на эту должность принадлежалъ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскому; провелъ же онъ задуманное имъ дѣло съ помощью Великой Княгини Елены Павловны, оказывавшей постоянно искреннее благорасположеніе Муравьеву съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ ея камеръ-пажемъ» (стр. 169—170).

Въ Сибири еще гремѣла громкая слава о Сперанскомъ, которую онъ справедливо заслужилъ своими реформами въ этомъ отдаленномъ и обширномъ краѣ. «Облеченный въ званіе генераль-губернатора всей Сибири, пишетъ Словцовъ въ «Ист. обзорѣнн Сибири», онъ несъ отъ престола два важныя порученія: а) прекратить неправды, воцѣлвшія въ странѣ безгласной, б) начертать учрежденія для управленія столь отдаленнымъ краемъ. Въ пол-

тора года своего пребыванія въ Сибири, онъ исполнилъ порученіе первое, какъ ангелъ мира, съ любовію, которая горевала о неправдѣ, радовалась о истинѣ, и второе, какъ мужъ государственный. Его только генію легкому и быстро объемлющему не трудно было обхватить всю обширность злоупотребленій,— ту и другую, столь же безмѣрную, какъ сама Сибирь, и въ то же время начертать учрежденія съ уставами и положеніями... Кто знаетъ, чѣмъ была Сибирь въ отношеніи управленія до Сперанскаго, и въ чемъ выразились заботы его объ этомъ краѣ, тотъ не можетъ не согласиться съ отзывомъ Словцова о дѣятельности этого великаго чловѣка, хотя и кратковременной. Сперанскій всегда останется незабвеннымъ какъ для Россіи вообще, такъ и въ частности для Сибири; слава о немъ никогда не умретъ! Но этой славы уже достаточно было, чтобы Муравьевъ отнесся къ Сперанскому какъ бы къ личному врагу. Въ 1849 г. въ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ, Перовскому, Муравьевъ, занятый въ это время дѣлами Сибири, пишетъ, что Сперанскій «любилъ болѣе идеи, чѣмъ государей и отечество» (стр. 222). А о себѣ выражается такъ: «По безпредѣльной моей преданности Государю и отечеству, я рѣшительно никакихъ другихъ видовъ не имѣю, кромѣ пользы службы ихъ» (стр. 277). Другому министру Сухозанету Муравьевъ пишетъ: «По безпредѣльной любви моей къ престолу и отечеству и по свойственному мнѣ самоотверженію...» (стр. 472). Сдѣлавъ общій упрекъ Сперанскому, Муравьевъ не удовольствовался этимъ. Въ другомъ письмѣ къ Перовскому онъ пишетъ слѣдующее: «Между прочимъ я принялъ въ немъ (въ отчетѣ Государю за 1848 г.) смѣлость сказать нѣсколько словъ въ пользу несчастнаго Трескина, давно умершаго, бывшаго здѣсь до Сперанскаго губернаторомъ; еслибъ онъ не былъ тогда смѣненъ, то, конечно, Восточная Сибирь давно бы занимала ту степень, на которой ей быть слѣдуетъ для пользы Россіи. Имѣя нѣкоторое право судить объ этомъ краѣ, которымъ исключительно занимаюсь слишкомъ два года, я убѣждаюсь день ото дня болѣе, сколько здѣсь былъ полезенъ Трескинъ и вреденъ Спе-

ранскій со своимъ учрежденіемъ...»¹⁾ (стр. 241). Г. Барсуковъ постоянно указываетъ на необыкновенную справедливость Муравьева, и мы выписали его отзывы о Сперанскомъ, чтобы видѣть какого рода была эта справедливость. Сравнить Сперанскаго съ Трескинымъ просто немыслимо, а ставить дѣятельность въ Сибирскомъ краѣ второго выше, полезнѣе чѣмъ перваго, можно только по *крайней несправедливости*. Трескинъ — это деспотъ и самодуръ, какихъ было не мало въ Сибири. Для характеристики личности этого губернатора приведемъ слѣдующій разсказъ барона В. И. Штейнгеля въ письмѣ къ Ермолову. Иркутскій преосвященный Веніаминъ по дѣлу ректора тамошней семинаріи, Іакинфа Бичурина, былъ отданъ на судъ духовно-гражданской комисіи. «Исполненіе этого, разсказываетъ Штейнгель, подоспѣло ко времени Трескина. Какъ человѣкъ умный, онъ не упустилъ случая дать архіерею замѣтить, что отъ него зависитъ смять его или удержать на ногахъ. Трескинъ назначилъ въ комисію съ гражданской стороны дѣловыхъ людей и точныхъ исполнителей своей воли. При открытіи комисіи, они потребовали и настояли, чтобы архіерей явился въ присутствіе какъ отвѣтчикъ. Смѣшно было видѣть, какъ тогда сами же чиновники, что священники, которые при входѣ архіерея сидѣли, какъ на иголкахъ, показывали ему, что рады бы встать, но угрозы гражданскихъ чиновъ комисіи удерживаютъ ихъ. Для архіерея это было крайнее униженіе. Онъ смирился и Трескинъ надъ нимъ сжалился; но за то нещадно показывалъ, какое вліяніе на него имѣетъ. Въ торжественный день напр. архіерей вышлетъ говорить проповѣдь, а Трескинъ пошлетъ городничаго въ алтарь сказать «не надо» и наложитъ тотчасъ унесутъ: всѣ видятъ и дивятся!

¹⁾ Сперанскій и Муравьевъ — представители двухъ различныхъ началъ въ управленіи: первый представитель коллегіальнаго начала, второй — личнаго начала, Сперанскій на первомъ планѣ ставилъ учрежденіе, а Муравьевъ — лице. Вотъ почему для послѣдняго и былъ ненавистенъ величайшій дѣятель первой половины нашего вѣка, и напротивъ — симпатиченъ Трескинъ, дѣйствовавшій по личному произволу.

И чего онъ съ нимъ не дѣлалъ? Заставлялъ даже пріѣзжать въ маскарадъ и любоваться фарсами масокъ, которыя передъ нимъ плясали... За то коммисія слѣдственная дѣйствовала уже такъ медленно, что бѣдный Веніаминъ успѣлъ умереть прежде, нежели дождался обвиненія или оправданія» (см. Истор. Вѣстн. 1884 г., авг., «Сибирскіе сатрапы», стр. 381). Это—тотъ самый Трескинъ, котораго комитетъ министровъ рѣшилъ предать суду за безчисленные злоупотребленія, но государь смилосердился и приказалъ только уволить отъ должности. Съ такимъ-то человѣкомъ Муравьевъ вздумалъ сравнивать великаго Сперанскаго!

Смѣшавъ съ гразью Сперанскаго, чтобы расчистить почву для своей славы, Муравьевъ и о другихъ генераль-губернаторахъ говоритъ, что они только «любили ѣсть, пить, волочиться и наживаться» (стр. 271). Отъ Муравьева нѣтъ пощадъ никому—кто не зависить отъ него или стоитъ выше его. Министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Нессельроде—измѣнникъ, продаетъ Россію Англіи и болѣе заботится объ интересахъ англійскихъ, чѣмъ русскихъ. «Всѣ хлопоты и заботы министерства финансовъ, писалъ Муравьевъ Перовскому, клонились и клонятся не къ пользамъ казны, а къ поощренію злоупотребленій и незаконныхъ выгодъ откупщиковъ». «Еслибъ министръ финансовъ, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ, искалъ *однихъ* *выгодъ* казны, то не могъ быть мною недовольнымъ»; департаментъ азіатскихъ дѣлъ изъ личныхъ выгодъ все скрываетъ отъ государя; горное управленіе въ Сибири старается не столько расширить золотопромышленность, сколько убить ее и пр., и пр. А о себѣ Муравьевъ пишетъ, что онъ все дѣлаетъ изъ любви къ престолу и отечеству, что ему награда не нужна, что онъ служитъ по убѣжденію съ сознаніемъ долга царю и отечеству.

Въ этихъ отзывахъ нельзя не узнать того Муравьева, который, служа на Кавказѣ, поносилъ всѣхъ начальниковъ и хвалилъ только одного себя. Наконецъ Муравьевъ просто доходитъ до абсурда, когда въ письмѣ къ Корсакову выражается такъ: «въ Россіи нѣтъ человѣковъ: тамъ есть генералы, полковники,

капитаны и пр., и пр., а человекъ, кажется, только — одинъ государь» (стр. 550).

Словомъ, историческій матеріалъ позволяетъ намъ сдѣлать слѣдующее заключеніе о личности Муравьева. Это — человекъ безспорно даровитый, энергичный, способный къ кипучей дѣятельности, но въ то же время — крайне тщеславный, самолюбивый и несправедливый; самомнѣніе и самохвалство у него безпредѣльны.

Нашъ взглядъ на личность Муравьева далеко не сходится съ взглядомъ г. Барсукова; равнымъ образомъ мы не можемъ согласиться и съ характеристикой его дѣятельности въ Сибири. По нашему мнѣнію, авторъ разбираемой нами книги, при сужденіи о дѣятельности Муравьева въ Сибири: а) слишкомъ много довѣрялъ донесеніямъ и письмамъ этого генераль-губернатора и б) запискамъ, воспоминаніямъ и статьямъ Буссе, Шумахера (чиновниковъ при Корсаковѣ), Струве, Романова, Карпова и Назимова, а между тѣмъ, какъ мы увидимъ, этотъ матеріалъ далеко не надежный, и пользоваться имъ нужно въ высшей степени осторожно.

Муравьевъ прибылъ въ Иркутскъ въ началѣ 1848 года; о томъ, какъ онъ рѣшилъ поставить себя тамъ, можно судить уже по приему, который дѣлалъ новый начальникъ разнымъ чиновникамъ и представителямъ общества на другой день по своемъ приѣздѣ. «Общій приемъ, пишетъ Вагинъ, назначенъ въ 10 часовъ утра. Къ этому времени генераль-губернаторская зала была уже полна. Военныхъ въ то время было еще не много, всѣ они стояли къ рѣкѣ Ангарѣ, старшіе, разумѣется, впереди. Остальная часть зала была наполнена гражданскими чиновниками до столоначальниковъ Главнаго Управленія включительно... Купечество, дума и цѣхи собрались въ гостиной. Вышелъ адъютантъ генераль-губернатора, его родственникъ и однофамилецъ, повертѣлся въ залѣ, поговорилъ кое съ кѣмъ и скрылся. Чрезъ минуту растворились двери, и появился человекъ не высокаго роста, съ краснымъ и моложавымъ лицомъ, съ курчавыми,

свѣтлорусыми, слегка рыжеватыми волосами. На немъ былъ общій армейскій мундиръ; правая рука, раненая при штурмѣ Ахульго, висѣла на перевязи. Это было особаго рода франтовство, потому что впослѣдствіи Муравьевъ одинаково свободно размахивалъ обѣими руками. Началась длинная процедура представленій ординарцевъ. Затѣмъ бригадный генералъ Щетининъ сталъ представлять военныхъ. Онъ, видимо, робѣлъ, говорилъ вполголоса и даже путался. Муравьевъ переходилъ отъ одного представляемаго къ другому молча, не кланяясь и никому не подавая руки.... Пришла очередь гражданскихъ. Муравьевъ сухо принялъ почетный рапортъ отъ предсѣдательствовавшего въ Совѣтѣ Главнаго Управленія, Пятницкаго, и началъ также молча обходить первый гражданскій рядъ. Тутъ же былъ и Н. Е. Тюменцовъ: онъ стоялъ красный какъ ракъ. Муравьевъ и его прошелъ молча, хотя онъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ лицъ мѣстнаго управленія. Обойдя главныхъ гражданскихъ чиновниковъ, Муравьевъ быстро направился въ сосѣднюю комнату, принявъ отъ городского общества хлѣбъ-соль и тотчасъ же возвратился въ залу.... Затѣмъ онъ раскланялся и скрылся. Весь пріемъ продолжался минутъ двадцать. Тотчасъ послѣ его ухода, въ залу возвратился адъютантъ и объявилъ, что генераль-губернаторъ приглашаетъ начальниковъ отдѣленій остаться». Другой очевидецъ замѣчаетъ, что «пріемъ былъ важный, серьезный и оставилъ во всѣхъ непріятное впечатлѣніе». Конечно, не обошлось и безъ увольненій: предсѣдателю Главнаго Управленія Пятницкому Муравьевъ немедленно объявилъ, что не считаетъ возможнымъ продолжать службу совмѣстно съ нимъ; но особенно, передаетъ Вагинъ, занимала всѣхъ исторія съ Мангазеевымъ, столоначальникомъ золотого стола въ Горномъ отдѣленіи. На пріемѣ Муравьевъ, обратившись къ послѣднему, сказалъ: «Я надѣюсь, что вы не станете со мною служить». Однако Мангазееву нельзя было выйти въ отставку: онъ принадлежалъ Горному Вѣдомству и служба была для него обязательна. Когда же доложили объ этомъ Муравьеву, то послѣдній сказалъ: «Такъ пусть возьметъ

медицинское свидѣтельство». И хотя Мангазеевъ, продолжаетъ тотъ же Вагинъ, былъ здоровъ какъ быкъ, но *«по приказанію блюстителя законности въ краѣ, Врачебная Управа выдала Мангазееву ложное свидѣтельство»*. Конечно, каждый начальникъ имѣетъ законное право удалять отъ должности вредныхъ чиновниковъ, но въ то же время нельзя считать Муравьева человѣкомъ справедливымъ, который, чтобы удалить чиновника, прибѣгаетъ къ такимъ беззаконнымъ средствамъ, какъ приказъ Врачебной Управы выдать свидѣтельство о болѣзни человѣку совершенно здоровому. Этихъ случаевъ увольненія должностныхъ лицъ на первыхъ порахъ службы Муравьева въ Сибири, вѣроятно, было такъ много, что министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій считалъ нужнымъ сдѣлать Муравьеву дружеское внушеніе. «Здѣсь распускаютъ слухи о вашей вспыльчивости, писалъ Перовскій въ письмѣ 25 іюля 1848 г., которая будто бы выходитъ часто изъ дозволенныхъ границъ; о поспѣшности, въ которой вы осуждаете людей, прежде чѣмъ имѣли время ихъ узнать или даже выслушать и пр.» (стр. 188). Но это внушеніе не подѣйствовало на Муравьева и впослѣдствіи.

Иначе говоритъ Барсуковъ о первыхъ шагахъ дѣятельности Муравьева въ Сибирскомъ краѣ. «Вообще, появленіе Муравьева въ Сибири, читаемъ на стр. 194, по разсказамъ современниковъ, было какъ бы громомъ, который прогремѣлъ послѣ нависшей мрачной тучи надъ Сибирью, — разсѣялъ эту тучу и очистилъ воздухъ. Муравьевъ, по своей честной натурѣ, круто положилъ конецъ всѣмъ хищеніямъ и всякаго рода неслыханнымъ злоупотребленіямъ. Въ Сибири до него долго держалась пословица: «до Бога высоко, до царя далеко»; при появленіи же его, все пошло иначе и занялась заря новаго свѣтлаго будущаго». — Или напр. на 176 стр. авторъ пишетъ: «Муравьевъ выѣхалъ изъ Красноярска и остановился на нѣсколько часовъ въ Нижнеудинскѣ, гдѣ безпорядки по управленію округомъ обратили на себя вниманіе генералъ-губернатора. Живо и рѣшительно распорядился Муравьевъ, чтобы водворить довѣріе къ власти, которое

за послѣднее (?) время было тамъ совершенно утрачено, и затѣмъ уже отправился въ Иркутскъ».

Право, не знаешь чему болѣе удивляться — Муравьеву ли, который *въ нѣсколько часовъ* уничтожаетъ всякіе безпорядки по управленію въ цѣломъ округѣ, живо и рѣшительно водворяетъ довѣріе къ власти, котораго яко бы не было, или г. Барсукову, который рассказываетъ подобныя вещи! А все происходитъ отъ того, что уважаемый авторъ слишкомъ смѣло полагается на свои источники и особенно на рассказы муравьевскихъ чиновниковъ. Развѣ приведенные отрывки не навѣяны напр. статьями Романова, который, рассказывая о дѣятельности Муравьева въ Приамурскомъ краѣ, замѣчаетъ въ одной статьѣ: «Надобно правду сказать, что здѣсь все создается и учреждается быстро, особенно если взять въ расчетъ ничтожность здѣшнихъ средствъ и, не смотря на возвѣщаемое русскими журналами и газетами всеобщее промышленное и нравственное пробужденіе Европейской Россіи, можно утвердительно сказать, что идя впередъ такими шагами, (Приамурскій край) скоро обгонитъ многія мѣстности Россіи».

Но обратимся къ самимъ фактамъ дѣятельности Муравьева въ качествѣ генераль-губернатора Восточной Сибири. Съ именемъ графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго связано очень важное событіе, именно присоединеніе къ Россіи обширнаго Приамурскаго края, и мы прежде всего обратимъ вниманіе на это дѣло. «Начало и выполненіе вопроса объ отысканіи и занятіи устьевъ Амура, пишетъ Шумахеръ, принадлежитъ вполнѣ одному графу Муравьеву-Амурскому» (Рус. Арх. 1878 года № 11, стр. 257). «Начало и выполненіе вопроса объ отысканіи и занятіи устьевъ Амура принадлежитъ одному Н. Н. Муравьеву» говоритъ, г. Барсуковъ (стр. 172). Мы съэтимъ не можемъ согласиться. Амурскій вопросъ — очень давній: онъ поднимался еще въ XVIII вѣкѣ, его даже возбуждалъ предшественникъ Муравьева Рупертъ; извѣстный путешественникъ академикъ Маддендорфъ указывалъ въ своей официальной запискѣ (1845 г.) на необхо-

димось всесторонняго изслѣдованія рѣки Амура и занятія въ устьяхъ оной твердаго пункта, чтобы предупредить въ этомъ отношеніи англичанъ. Въ 1846 г. командиру брига «Великій князь Константинъ», Гаврилову, отправлявшемуся въ Охотское море, поручено было зайти въ лиманъ Амура и отыскать устье этой рѣки, при чемъ изъ опасенія китайцевъ русское правительство предписывало Гаврилову дѣйствовать съ особенною осторожностью. Но Гавриловъ за недостаткомъ времени не могъ обстоятельно познакомиться съ устьемъ Амура и рѣшить вопросъ о возможности входа въ эту рѣку для морскихъ судовъ. Въ своемъ докладѣ, указывая на мели въ устьяхъ Амура, онъ въ то же время проситъ не дѣлать изъ его изысканій рѣшительныхъ заключеній о томъ — возможно или невозможно входить съ моря въ эту рѣку большими судами, что для положительнаго рѣшенія этого вопроса нужны новыя изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе, графъ Нессельроде, слишкомъ довѣряя прежнимъ свѣдѣніямъ о недоступности устьевъ Амура для морскихъ судовъ, вывелъ заключение, что изысканія Гаврилова подтверждаютъ эти старыя свѣдѣнія, и въ такомъ смыслѣ представилъ докладъ Императору Николаю.

Въ такомъ положеніи находился Амурскій вопросъ, когда Муравьевъ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ Восточной Сибири. Шумахеръ передаетъ, что «Императоръ Николай Павловичъ, назначая Муравьева генераль-губернаторомъ Восточной Сибири, говорилъ съ нимъ о развитіи различныхъ отраслей мѣстнаго хозяйства и объ отношеніяхъ нашихъ къ Китаю и изволилъ прибавить слѣдующія знаменательныя слова: *«Что же касается до Русской рѣки Амура, то объ этомъ рѣчь впереди»*. Въ этихъ словахъ Муравьевъ нашелъ себѣ поощреніе и рѣшился употребить всѣ усилія, чтобы выполнить амурское дѣло. И, дѣйствительно, едва только онъ прибылъ въ Сибирь, какъ начинаетъ уже писать письма, донесенія, докладныя записки, въ которыхъ старается доказать необходимость немедленнаго занятія устьевъ Амура, чтобы предупредить появленіе въ Нерчинскѣ и даже

Читѣ англійскихъ кораблей. А такъ какъ вопросъ о судоходствѣ по Амуру не былъ еще рѣшенъ и объ устьяхъ этой рѣки имѣлись только тѣ свѣдѣнія, которыя мы сообщили выше, то Муравьеву необходимо было подыскать основанія для подкрѣпленія своихъ представленій объ амурскомъ дѣлѣ. Эти основанія оказались очень своеобразными. Такъ въ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому отъ 25 августа 1848 г. Муравьевъ пишетъ, что въ Сибири уже появились агенты англійскаго правительства «подъ видомъ безхитростныхъ туристовъ или невинныхъ ревнителей науки» — но на самомъ дѣлѣ собираютъ свѣдѣнія о Сибири и объ устьяхъ Амура. Тутъ онъ имѣетъ въ виду путешественниковъ Гилля и Остена, которые нѣкоторое время проживали въ Иркутскѣ; первый въ началѣ мая отправился черезъ Якутскъ и Охотскъ въ Камчатку, а второй рѣшился построить въ Нерчинскѣ плотъ, чтобы спуститься по Шилкѣ и Амуру къ устьямъ этой рѣки, надѣясь найти тамъ какое-нибудь судно и на немъ черезъ Тихій океанъ добраться до Америки. Но Муравьевъ не допустилъ Остена осуществить свое намѣреніе; велѣлъ доставить его въ Иркутскъ. А въ письмѣ къ Перовскому отъ 14 сентября 1848 г., упомянувъ о тайныхъ замыслахъ англійскихъ путешественниковъ, Муравьевъ замѣчаетъ, что «стоитъ только Остену спуститься по Амуру — и къ будущей веснѣ пара англійскихъ пароходовъ займетъ Сахалинъ», что англичане займутъ и устье Амура и «это будетъ дѣломъ внезапнымъ, безъ всякихъ сношеній о томъ съ Россіей, которая *однакожъ лишится всей Сибири*, потому что Сибирью владѣетъ тотъ, у кого въ рукахъ лѣвый берегъ и устье Амура» (кн. II, стр. 35).

На письма Муравьева Перовскій отвѣчалъ такимъ образомъ: «Не безъ основанія вы изволите полагать, что надобно предупредить англичанъ и что уже наступило время не откладывать; я съ своей стороны вполне раздѣляю ваше мнѣніе, но не такъ думаетъ графъ Нессельроде; онъ будетъ всѣми силами стараться отклонить всякую рѣшительную мѣру и въ этомъ отношеніи поддержитъ его министръ финансовъ: первый поставитъ на видъ

опасеніе разрыва дружескихъ сношеній съ Англіей, второй упрется на вредныя послѣдствія для нашей внутренней мануфактурной торговой промышленности отъ разрыва съ Китаемъ; посему безошибочно можно сказать, что сочувствія со стороны тѣхъ, отъ кого настоящій предметъ наиболѣе зависить, вы ожидать не можете. *Не пожалѣютъ и васъ, скажутъ, что вы слишкомъ скоры, лекомысленны, самонадѣянны, что не успѣли еще ознакомиться ни съ краемъ, которымъ управляете, ни съ тою идеєю, которую осуществить желаете; что вы не приняли въ соображеніе ни затрудненій, ни послѣдствій затѣяемаго вами предпріятія и пр. и пр.* (кн. 1, стр. 192). Въ подчеркнутыхъ нами строкахъ Перовскій очень мѣтко охарактеризовалъ Муравьева, и хотя онъ выражается какъ бы отъ лица другихъ, но несомнѣнно и самъ былъ такого же мнѣнія. Въ заключеніе письма Перовскій даетъ Муравьеву дружескій совѣтъ — не спѣшить, чтобы такою поспѣшностью не повредить самому дѣлу, что онъ самъ предварительно долженъ изучить это дѣло и затѣмъ постепенно знакомить съ нимъ государя... Но Муравьевъ не обратилъ вниманія на совѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ и не щадилъ никакихъ средствъ, чтобы поскорѣе получить разрѣшеніе отъ правительства на занятіе устьевъ Амура. «Не разъ случалось мнѣ слышать въ Петербургѣ опасеніе, писалъ Муравьевъ въ своей всеподданнѣйшей докладной запискѣ государю, что Сибирь рано или поздно можетъ отложиться отъ Россіи; но прежде прибытія моего сюда я считалъ это опасеніе не основательнымъ, не умѣя себѣ объяснить, отъ какого бы источника опасность эта могла проистекать; здѣсь, Государь, я убѣдился, что опасеніе это весьма естественно и отъ такихъ причинъ, которыя совершенно чужды соображеніямъ столичнымъ». Откуда же, по мнѣнію Муравьева, грозитъ опасность отложенія Сибири отъ своей митрополіи? «Я нашелъ, продолжаетъ Муравьевъ свой всеподданнѣйшій докладъ Николаю Павловичу, здѣсь весь народъ подъ вліяніемъ и въ рукахъ, такъ сказать, богатыхъ торговцевъ, промышленниковъ и откупщиковъ и всѣхъ чиновниковъ прави-

тельстванныхъ, почти безъ исключенія, на содержаніи и въ услугахъ богатыхъ тѣхъ же людей... *богатый же классъ этотъ и болѣе образованный, по происхожденію своему и по отдаленности отъ центра имперіи вовсе не имѣетъ чувства той преданности къ Государю и отечеству, которыя внутри имперіи всасываются съ молокомъ, — онъ ко всему равнодушенъ, кромѣ своихъ выгодъ, и за немногими только исключеніями, нѣтъ почти и надежды возбудить въ нихъ тѣ высокія чувства, которыми гордится и славится всякій русскій; а между тѣмъ они не только не лишены свойственнаго русскимъ смысла и предприимчивости, но и превосходятъ въ этомъ жителей внутреннихъ губерній...* Этотъ смыслъ и эта предприимчивость указываютъ имъ ясно, что настоящій истокъ сибирскихъ произведеній, что все будущее благоденствіе Восточной Сибири заключается въ вѣрномъ и удобномъ сообщеніи съ Восточнымъ океаномъ, и что Кяхта рано или поздно потеряетъ для нихъ свое значеніе по соперничеству англичанъ, и что всякій другой промыселъ ничтоженъ и не можетъ принять желаемыхъ размѣровъ безъ плаванія по Амуру. *И вотъ въ послѣдніе годы, а особенно въ прошломъ, возникло не безосновательное предположеніе, что англичане займутъ устье Амура. Наружно многіе изъ нихъ изглагольваютъ въ этомъ свои опасенія и сожалѣнія; внутренно — имъ все равно, кто бы ни открылъ Амуръ, но какихъ тогда потребуется силъ и средствъ отъ правительства, чтобы Восточная Сибирь не сдѣлалась англійскою, когда въ устьѣ Амура станетъ англійская крѣпость, и англійскіе пароходы пойдутъ по Амуру до Нерчинска и даже до Читы?»*

А между тѣмъ то самое купечество, которое, по мнѣнію Муравьева, не имѣетъ чувства преданности къ Государю и отечеству, которое равнодушно ко всему, кромѣ своихъ грубо-корыстныхъ расчетовъ, жертвовало громадныя суммы денегъ сибирскимъ генералъ-губернаторамъ на дѣла просвѣщенія и благотворительности въ своемъ краѣ. Муравьевъ въ теченіе только 1848 и 1849 гг. получилъ отъ одного купца Кузнецова два милліона пятьсотъ пятьдесятъ тысячъ на нужды края. Донося объ этомъ

пожертвованіи правительству, Муравьевъ пишетъ, что тотъ же купецъ «сдѣлалъ мнѣ предложеніе еще пожертвовать значительную сумму для первоначальнаго устройства пароходовъ и прочаго на Амурѣ, еслибъ правительство возымѣло намѣреніе учредить тамъ наше плаваніе» (стр. 249).

Несомнѣнно, какъ бы ни старался Муравьевъ побудить правительство сдѣлать рѣшительный шагъ относительно занятія Амура, всѣ его представленія на этотъ счетъ не имѣли бы успѣха до тѣхъ поръ, пока не будетъ положительно рѣшенъ вопросъ о судоходствѣ этой рѣки и возможности выхода изъ ея устьевъ въ море на большихъ судахъ. Только при этихъ условіяхъ Амуръ дѣлался особенно цѣннымъ приобрѣтеніемъ и могъ имѣть серьезное значеніе для Восточной Сибири; только при этихъ условіяхъ позволительно было русскому правительству позаботиться о занятіи устьевъ Амура и рискнуть вслѣдствіе этого на возможную ссору съ Китайскою имперіей, съ которой дружба продолжалась уже болѣе 150 лѣтъ.

И въ это самое время, дѣйствительно, капитанъ-лейтенантъ Невельскій дѣлалъ великое дѣло для Восточной Сибири. Г. Барсуковъ по пристрастію къ Муравьеву утверждаетъ, что инициатива этого дѣла принадлежитъ послѣднему, и что Невельскій былъ только исполнителемъ его указаній. «Еще во время пребыванія своего въ Петербургѣ, пишетъ авторъ, Муравьевъ познакомился съ капитанъ-лейтенантомъ Невельскимъ, находившимся въ то время при постройкѣ въ Гельсингфорсѣ транспорта «Байкалъ» для періодическаго обыкновеннаго доставленія въ Камчатку различныхъ грузовъ и припасовъ отъ морскаго вѣдомства. Сильно заинтересованный запутаннымъ вопросомъ о доступности для судовъ устья Амура, *Муравьевъ сообщилъ Невельскому свое мнѣніе о необходимости болѣе правильнаго изслѣдованія устьевъ этой рѣки*, гдѣ, по словамъ, сказаннымъ ему государемъ, будто бы только три фута глубины при входѣ. Невельскій и самъ былъ сильно заинтересованъ вопросомъ объ Амурѣ, почему горячо принялъ заявленія Муравьева и впослѣд-

ствіи онъ явился дѣятельнымъ исполнителемъ указаній Муравьева къ осуществленію завѣтной мысли послѣдняго завладѣть устьями Амура и тѣмъ открыть Россіи свободный путь къ Тихому океану» (кн. 1, стр. 172).

Все это не соотвѣтствуетъ исторической истинѣ: изъ записокъ самого Невельскаго видно, что дѣло было совершенно наоборотъ. «Такъ какъ я, пишетъ Невельскій, долженъ былъ идти въ сибирскіе порты, состоящіе отчасти и въ вѣдѣніи его (Муравьева), то начальникъ главнаго морского штаба князь А. С. Меншиковъ приказалъ мнѣ представиться его превосходительству Н. Н. Муравьеву. . . . *въ разговоръ съ нимъ о снабженіи нашихъ сибирскихъ портовъ я имѣлъ случай обратить его вниманіе* на важное значеніе для ввѣреннаго ему края рѣки Амура. . . .». Муравьевъ согласился съ этимъ замѣчаніемъ Невельскаго и въ то же время высказалъ, что къ несчастію всѣ убѣждены, что устье этой рѣки забросано мелями и недоступно для входа въ рѣку судовъ съ моря. «На это я отвѣчалъ Муравьеву, что распространившееся дѣйствительно подобное заключеніе о рѣкѣ Амурѣ и ея лиманѣ мнѣ кажется весьма сомнительнымъ, ибо изъ всѣхъ обнародованныхъ свѣдѣній и описей, произведенныхъ Лаперузомъ, Браутономъ и Крузенштерномъ, на которыхъ подобное заключеніе и могло быть только основано и которыя я тщательно изучилъ, еще нельзя дѣлать объ устьѣ рѣки такого заключенія. Кромѣ того, невольно рождается вопросъ: неужели такая огромная рѣка, какова Амуръ, не могла проложить для себя выхода въ море и теряется въ пескахъ, какъ нѣкоторымъ образомъ выходитъ изъ упомянутыхъ описей. Поэтому я полагаю, что тщательное изслѣдованіе ея устья и лимана представляется настоятельною необходимостью. Сверхъ того, если Сахалинъ соединяется съ матерымъ берегомъ отмелью, покрывающеюся водой только при приливахъ, какъ показывается во всѣхъ морскихъ картахъ, составленныхъ по упомянутымъ описямъ, т. е. если входъ въ Амурскій лиманъ изъ Татарскаго залива недоступенъ, то это обстоятельство еще бо-

лѣе должно убѣждать насъ, что изъ рѣки Амура долженъ существовать выходъ съ достаточною глубиной. Выслушавъ со вниманіемъ мои доводы, Н. Н. Муравьевъ, изъявляя полное сочувствіе *къ моему предложенію*, выразилъ, что онъ съ своей стороны постарается употребить всѣ средства къ его осуществленію». (Посмертныя записки адмирала Невельскаго, стр. 60—61).

Такимъ образомъ Невельскій еще ранѣе знакомства своего съ Муравьевымъ изучалъ вопросъ объ Амурѣ и при первомъ представленіи ему высказалъ свое мнѣніе, какъ о прежнихъ изслѣдованіяхъ устья этой рѣки, такъ и о необходимости новыхъ изслѣдованій, и при этомъ съ увѣренностью говорилъ, что такая большая рѣка, какъ Амуръ, не можетъ быть заперта мелями и непремѣнно имѣетъ выходъ въ океанъ съ достаточною глубиной. Да и впослѣдствіи именно Невельскій былъ руководителемъ Муравьева въ амурскомъ дѣлѣ, дѣлалъ ему указанія на этотъ счетъ, хотя, какъ увидимъ, Муравьевъ не всегда точно слѣдовалъ этимъ указаніямъ и въ такомъ случаѣ дѣлалъ ошибки.

Правда, Муравьевъ оказалъ содѣйствіе Невельскому тѣмъ, что выхлопоталъ ему инструкцію относительно изслѣдованій устьевъ Амура, но Невельскій не получилъ еѣ во время и на собственный страхъ лѣтомъ 1849 г. произвелъ эти изслѣдованія. Послѣднія разрѣшили слѣдующіе вопросы: а) что Сахалинъ не полуостровъ, а островъ, б) что входъ въ лиманъ Амура доступенъ изъ Татарскаго пролива (прежде считался заливомъ) для мореходныхъ судовъ всѣхъ ранговъ, а съ сѣвера изъ Охотскаго моря, с) что въ устье рѣки Амура изъ Татарскаго пролива могутъ проходить суда съ осадкою до 15 футовъ, а изъ Охотскаго моря суда, сидяція въ водѣ до 12 футовъ. (Посм. Зап. Нев., стр. 90).

Только открытія экспедиціи Невельскаго дали основанія и силу представленіямъ Муравьева относительно Амура; Невельскому и его помощникамъ и должна принадлежать слава въ амурскомъ дѣлѣ. Правда, тогдашніе министры, особенно Нессельроде,

Сенявинъ и Чернышевъ, продолжали противиться нашему утверждению на Амурѣ, хотя Невельскій уже и поставилъ въ устьяхъ этой рѣки флагъ и пушку. Какъ Муравьевъ въ свое время, такъ теперь и г. Барсуковъ въ своей книгѣ объясняютъ это противодѣйствіе завистью, недоброжелательствомъ къ Муравьеву со стороны упомянутыхъ министровъ. Но мы съ такимъ объясненіемъ не можемъ согласиться. Въ Комитетѣ, собранномъ по амурскому вопросу, гр. Нессельроде говорилъ между прочимъ слѣдующее: «Касательно же пункта, занятаго на Амурѣ, читаемъ у Шумахера, онъ полагалъ, что торжественное занятіе это не можетъ не встревожить китайцевъ и благоразуміе требуетъ оставить этотъ пунктъ, не ожидая никакихъ по этому предмету вопросовъ и жалобъ отъ Китайскаго правительства, чѣмъ избѣгнемъ крайней опасности. Кто можетъ поручиться, заявлялъ посѣдѣлый дипломатъ, что китайцы не придутъ туда въ значительной силѣ, не вытѣснятъ горсть нашихъ людей, не разорятъ въ глазахъ гиляковъ наши постройки и не попрутъ самага флага... И такъ для сохраненія чести и достоинства нашего правительства гораздо лучше, говорилъ онъ, теперь же удалиться оттуда, нежели продолжать занимать этотъ пунктъ на Амурѣ въ ожиданіи, что напишетъ Китайское правительство». Такого же мнѣнія держалось и большинство членовъ комитета. А князь Чернышевъ былъ столь раздраженъ настойчивостью Муравьева, присутствовавшего въ этомъ комитетѣ, что замѣтилъ ему: вы хотите «воздвигнуть себѣ памятникъ!» (Рус. Арх. 1878 г. № 11, стран. 262 — 263). Это замѣчаніе попало, какъ говорится, не въ бровь, а самый глазъ. И нельзя сказать, чтобы министры дѣйствовали въ данномъ случаѣ безъ основаній. Политическія дѣла наши на западѣ были далеко не въ завидномъ положеніи, тучи крымской кампаніи уже понемногу собирались, и министру иностранныхъ дѣлъ это должно быть извѣстно болѣе, чѣмъ кому-нибудь; на западъ приходилось обратить все наше вниманіе. Между тѣмъ занятіе Амура могло вооружить противъ Россіи Китайскую имперію и мы рѣшительно не имѣли никакихъ силъ, чтобы дать

отпоръ китайцамъ на Амурѣ. Какія же послѣдствія этого? Флагу нашему могло быть нанесено оскорбленіе, и мы ничѣмъ не могли серьезно отмстить китайцамъ; прекращеніе кяхтинской торговли принесло бы громадныя убытки нашему купечеству и нашей казнѣ. Развѣ эти соображенія не достаточны были для нашихъ министровъ, чтобы считать занятіе Амура «опаснымъ и рановременнымъ», какъ говорилъ Нессельроде?

Тѣмъ не менѣе императоръ Николай согласился съ мнѣніемъ Муравьева и 19 января 1851 г. «повелѣлъ военный постъ Николаевскій, поставленный капитаномъ Невельскимъ на устьяхъ Амура, оставить тамъ и еще усилить содѣйствіемъ одного морского судна въ лѣтнее время; только этотъ постъ долженъ былъ быть въ видѣ торговаго склада Россійско-Американской К^о». Но и императоръ Николай находилъ необходимымъ дѣйствовать относительно Амура съ особенною осторожностью, какъ показываетъ бумага отъ Сената, посланная въ это время въ Китайскій трибуналъ внѣшнихъ сношеній. «До свѣдѣнія нашего дошло, что съ нѣкотораго времени у устья Амура стали появляться иностранныя суда и мы имѣемъ причины думать, что появленіе тамъ сихъ иностранныхъ судовъ, изъ коихъ нѣкоторыя были военныя, — не безъ цѣли. Вѣковыя дружественныя наши съ Китаемъ сношенія побуждаютъ насъ довести до свѣдѣнія Китайскаго правительства о семъ важномъ обстоятельстве. Овлaдѣніе устьемъ Амура или занятіе въ тѣхъ мѣстахъ пункта какою-либо морскою державою не можетъ быть нами терпимо, такъ какъ Амуръ вытекаетъ изъ нашихъ предѣловъ и притомъ самыя земли, отъ рѣки Уди къ Востоку лежащія и слѣдовательно примыкающія къ устью Амура, по трактату нашему съ Китайской имперіей, оставлены неразграниченными. Поэтому существенныя выгоды какъ Китая, такъ и Россіи требуютъ, чтобы никакія иностранныя суда не могли имѣть входъ въ Амуръ и плавать по этой рѣкѣ, и чтобы устье оной не принадлежало никакой сторонней державѣ. Все это дружески сообщается Китайскому правительству на дальнѣйшее его размы-

шленіе и не признаетъ-ли оно полезнымъ войти съ нами въ сношеніе на счетъ обезопасенія устья помянутой рѣки и противолежащаго острова отъ всякихъ покушеній на сіи мѣста иностранцевъ, чего, повидимому, требовала бы взаимная безопасность нашихъ и вашихъ въ тѣхъ мѣстахъ предѣловъ» (Шумахеръ, стр. 264).

Изъ этого акта видно, что русское правительство послѣ открытій Невельскаго хорошо понимало значеніе Амура и рѣшилось утвердить свою власть въ устьяхъ этой рѣки, но не тѣмъ способомъ, какъ хотѣлъ Муравьевъ, а по соглашенію съ Китаемъ. Муравьевъ однако продолжалъ настаивать на необходимости болѣе агрессивной политики въ отношеніи Амура, и ему по прежнему отвѣчали, что въ этомъ дѣлѣ необходимо соблюдать крайнюю осторожность. На его представленіе въ 1852 г. онъ получилъ такой отвѣтъ изъ Петербурга, что «предлагаемыя нынѣ генераль-губернаторомъ по этому предмету мѣры и распоряженія признаются при настоящихъ обстоятельствахъ рановременными и потому въ исполненіи своемъ должны быть отложены». (Шумахеръ въ Р. Арх., стр. 266). Въ 1853 г. Муравьевъ былъ въ Петербургѣ и отъ самого государя получилъ отвѣтъ, что слѣдуетъ подождать, пусть обстоятельства къ тому приведутъ. И дѣйствительно, скоро явились обстоятельства, которыя не только Амуръ, но и приморскій край по берегу Татарскаго пролива отдали въ наши руки безъ ссоры съ Китаемъ и безъ пролитія капли крови. Начавшаяся крымская война заставила наше правительство обратить вниманіе на защиту Камчатки отъ враговъ, а средства для этой защиты удобнѣе всего было сплавить по Амуру. Муравьевъ получилъ приказаніе заняться этимъ дѣломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстить Китайское правительство, что отправление русскихъ войскъ по Амуру не только не заключаетъ въ себѣ ничего враждебнаго въ отношеніи Китая, но дѣлается ради обоюдной пользы—защиты прибрежныхъ мѣстъ отъ общихъ враговъ англичанъ. Китайское правительство не протестовало противъ этого сплава, а пребываніе русскихъ войскъ въ устьяхъ

Амура и по берегу Татарскаго пролива и дѣйствительная защита этихъ мѣстъ во время войны дали намъ право на обладаніе ими. Вѣдь англичане нападали на эти мѣстности, какъ на русскія владѣнія и защищались оныя русскими войсками, а не китайскими. Такимъ образомъ во время айгунскихъ переговоровъ китайцамъ рѣшительно нечего было возразить противъ нашего права на устья Амура. Но Айгунскій договоръ, заключенный Муравьевымъ 16 мая 1858 г., предоставлялъ Россіи только «лѣвый берегъ рѣки Амура, начиная отъ рѣки Аргуни до морскаго устья рѣки Амура». Конечно, и этимъ пріобрѣтеніемъ Муравьевъ оказалъ великую услугу отечеству, но несравненно болѣе имѣли значеніе договоры, заключенные Путятинымъ въ Тянь-цзинѣ и особенно Игнатьевымъ въ Пекинѣ, которымъ обезпечивалось за Россіей обладаніе громаднымъ богатымъ Уссурійскимъ краемъ со всѣми гаванями по берегамъ Татарскаго пролива и отчасти Японскаго моря. Объяснимся по этому поводу. Намъ снова приходится вспомнить Невельскаго, который первый началъ доказывать Муравьеву, что обладаніе устьемъ Амура не можетъ имѣть для насъ особеннаго значенія, если не въ нашей власти будетъ Татарскій проливъ и если мы не будемъ владѣть вышеупомянутыми гаванями. Въ концѣ 1849 г. Муравьевъ сдѣлалъ представленіе въ Петербургѣ: а) Охотскій портъ перенести въ Петропавловскъ, который усилить и укрѣпить; б) Аянскую факторію русско-американской компаніи возвести на степень правительственнаго порта въ Охотскомъ морѣ; в) для удобнаго и правильнаго сообщенія Аяна съ Якутскомъ заселить крестьянами р. Маю и трактъ между Аяномъ и Нелькиномъ. Узнавъ объ этомъ, Невельскій доказывалъ Муравьеву, что осуществленіе этихъ представленій будетъ дорого стоить и не принесетъ намъ особенной пользы. «Настоящія наши изслѣдованія, говорилъ Невельскій, и открытія указали, что р. Амуръ и ея лиманъ связываютъ Восточную Сибирь съ Японскимъ моремъ и что побережье приамурскаго края составляетъ непосредственное дополненіе амурскаго бассейна, а потому всего естественнѣе отыскать гавань

на этомъ прибрежьи, такъ какъ она, въ случаѣ войны съ морскими державами, могла быть снабжена и подкрѣплена, независимо отъ морскаго пути, путемъ внутреннимъ, безопаснымъ отъ нападенія непріятели, т. е. по р. Амуру и ея притокамъ. Настоящими средствами охотскаго и петропавловскаго портовъ, предстоящимъ же лѣтомъ 1850 г. серьезно занять устье р. Амура и отсюда, какъ изъ первоначальнаго пункта, приступить... къ изслѣдованію прибрежья Татарскаго пролива, до корейской границы, въ видахъ отысканія на этомъ прибрежьи гавани, удобной для основанія порта, сколь можно долѣе открытаго для навигаціи» (Посм. Зап. Невельск., стр. 99 и 101).

Но Муравьевъ настоялъ на своихъ представленіяхъ, и ему разрѣшено было перенести Охотскій портъ въ Петропавловскъ и устроить Аянскій трактъ. Однако обстоятельства не замедлили подтвердить справедливость мнѣній Невельскаго объ этихъ предметахъ: во время крымской войны, хотя русскіе однажды и отбили нападеніе непріятельской эскадры на Петропавловскій портъ, но сейчасъ же послѣ этого принуждены были всѣ суда и вооруженія перевести изъ Петропавловска въ устье Амура; изъ Аянскаго порта ничего не вышло, а крестьяне по Аянскому тракту большею частью погибли и трактъ этотъ заброшенъ.

Послѣ утвержденія въ устьяхъ Амура и основанія тамъ Николаевска, Муравьевъ рѣшилъ устроить здѣсь портъ и Николаевску предсказывалъ будущность С.-Франциско. Но Невельскій, какъ опытный морякъ, не могъ не видѣть, что Муравьевъ жестоко ошибается относительно Николаевска. Изъ изслѣдованій уже узнали, что лѣвый берегъ устья Амура, гдѣ находился Николаевскъ, очищается отъ льда гораздо позже, чѣмъ правый и болѣе верхнія части рѣки Амура, такъ что изъ Татарскаго пролива можно войти въ рѣку Амуръ еще тогда, когда Николаевскій портъ будетъ подо льдомъ. «Но въ то время, пишетъ Невельскій, всѣ были того мнѣнія, что намъ вовсе не надобно идти далѣе лѣваго берега Амура, что обладаніе этимъ берегомъ и должно составлять конечную цѣль нашихъ здѣсь дѣйствій, т. е.

желали положить границу съ Китаемъ по лѣвому берегу Амура. *Таковы были мнѣнія и убѣжденія мои, отъ которыхъ зависѣло направленіе нашихъ дѣйствій въ этомъ краѣ.* Эти убѣжденія раздѣляли тогда всѣ почти личности, прибывшія съ генералъ-губернаторомъ, но... факты весьма скоро обнаружили всю неосновательность такого мнѣнія и всю справедливость постоянныхъ моихъ представленій о томъ, *что рѣка Амуръ составляетъ только лишь базисъ нашихъ дѣйствій, главная же и конечная цѣль долженъ быть уссурійскій бассейнъ и его побережье.* (Посм. зап., стр. 339). Эти настойчивыя представленія Невельскаго, его критика дѣйствій Муравьева и были главною причиною удаленія перваго. Айгунскій договоръ, дѣйствительно, закрѣпилъ за нами лѣвый берегъ Амура, но онъ только предоставлялъ намъ большее количество земли, но не давалъ удобнаго выхода въ Великій океанъ—къ чему стремился Невельскій. Что Муравьевъ былъ противникомъ занятія южныхъ гаваней, какъ доказываетъ въ своихъ запискахъ Невельскій, это подтверждается и письмомъ декабриста Мих. Ал. Бестужева къ Завалишину. «Это было за вечернимъ чаемъ..., пишетъ Бестужевъ. Тутъ былъ К. К. Венцель (иркут. губ.), М. С. Корсаковъ, не помню хорошенько былъ-ли тутъ Буссе. Я готовился плыть по Амуру, слѣдовательно разговоръ коснулся Николаевска, и скоро завязался споръ, гдѣ я доказывалъ, что этотъ рождающійся городъ никогда не можетъ сдѣлаться ни купеческимъ, ни военнымъ портомъ. Корсаковъ, обращаясь къ Н. Н. Муравьеву, сказалъ: «Помните-ли вы, в. пр., вѣчную прибаутку Невельскаго въ подобныхъ спорахъ, когда онъ съ запальчивостью повторялъ: «Флотъ-портъ; портъ-флотъ». Неужели вы не подозреваете, Мих. Сем., возразилъ я, что въ этой прибауткѣ кроется глубокій смыслъ? Неужели Амуръ вывелъ насъ въ океанъ для того, чтобы мы, сложа руки, любовались изъ-за льдовъ и мелей его устья на торговую дѣятельность другихъ народовъ? Если вы хотите въ этой дѣятельности принять участіе и заводить флоты, то необходимо приготовить для ~~нихъ~~ удобные порты, а не ледники и замкнутыя гавани, кото-

рыми Россія можетъ только похвалиться. Да! грѣхъ, если русскіе, по своей обычной апатіи, не воспользуются теперь благоприятными обстоятельствами, и не отыщутъ для себя открытаго порта на югѣ. «Вы моряки очень прихотливы, прервалъ меня Н. Н. Муравьевъ, вы пожалуй захотите въ Печели». Споръ долго продолжался на эту тему, но сущность его была почти та же (Рус. Стар. 1881 г. окт., стр. 412).

Но обстоятельства, помимо Муравьева, привели Россію къ обладанію Уссурійскимъ краемъ и южными гаванями: внутреннія неурядицы въ Китайской имперіи, война китайцевъ съ англичанами и французами дали возможность Игнатьеву, за посредничество въ примиреніи Китая съ внѣшними врагами, получить уступку Уссурійскаго края и южныхъ гаваней (*ibid.*).

Теперь обратимся къ самому интересному предмету, къ обзору дѣятельности Муравьева по устройству Амурскаго края, о чемъ г. Барсуковъ говоритъ съ великими похвалами. Какъ и слѣдовало ожидать, Муравьевъ началъ съ заселенія Амура. Онъ уже имѣлъ опытъ переселенія крестьянъ изъ одной мѣстности на другую, напр. ради устройства Аянскаго тракта. Послѣ настоячивыхъ представленій Муравьева Государь въ концѣ 1848 г. разрѣшилъ ему устройство русскихъ поселеній вдоль рѣки Маи, ведущей къ Аянскому порту. Получивъ это соизволеніе, генералъ-губернаторъ приказалъ Корсакову набрать крестьянъ въ Забайкальской области и Иркутской губерніи и расселить ихъ по упомянутой рѣкѣ на извѣстныхъ пунктахъ. Приказаніе было исполнено, и весною въ 1851 г. по рѣкѣ Маи поселено 102 семейства въ 27 пунктахъ; число поселенцевъ, какъ видите, очень большое, особенно если взять во вниманіе рѣдкость населенія тѣхъ мѣстъ, откуда они набраны. Въ старину, напр. въ XVII в., когда являлась надобность въ заселеніи какой-нибудь мѣстности въ Сибири, то предварительно отправлялся туда слободчикъ, или пашенный крестьянинъ для изслѣдованія и, если онъ доносилъ, что мѣста «угожія и крѣпкія», то крестьяне переселялись. Но Муравьеву показали не нужными такого рода предварительныя свѣдѣнія

опытныхъ людей: онъ взглянулъ на карту, отмѣтилъ пункты, примѣняясь къ условіямъ почтоваго тракта, а чиновникъ отвезъ крестьянъ и расселилъ ихъ. Что же изъ этого вышло? «Уже на слѣдующій годъ, говоритъ г. Барсуковъ, стали доходить въ Иркутскъ извѣстія, что мѣста, занятыя переселенцами, тѣсны и непригодны для хлѣбопашества. Муравьевъ сначала не довѣрялъ этимъ слухамъ, тѣмъ болѣе, что *они противорѣчили оффиціальнымъ донесеніямъ*; но потомъ рѣшился провѣрить ихъ на мѣстѣ и съ этою цѣлью командировалъ туда М. С. Волконскаго». Что же послѣдній нашелъ? «Крестьяне второй уже годъ питались хлѣбомъ, отпускавшимся имъ изъ казны; скотъ рогатый и лошади въ большомъ количествѣ пали; пахотныя поля были въ весьма ограниченномъ количествѣ; переселенцы, за отпускаемые имъ предметы первой необходимости, задолжали правительству болѣе 16 т. руб., и только почтовая гоньба, содержаніе трехъ перевозовъ на р. Маѣ, да незначительный пушной промыселъ поддерживали ихъ матеріальное состояніе». Затѣмъ тифъ и цинга начали губить переселенцевъ съ перваго же года, недостатокъ корма и дурное его качество — рогатый скотъ и лошадей, а разливы р. Маи и упадокъ духа у несчастныхъ переселенцевъ довершили дѣло. Изъ 27 поселеній, по донесенію М. С. Волконскаго, только пять оказались въ удовлетворительномъ состояніи. А по оффиціальнымъ донесеніямъ властей все обстояло прекрасно въ то время, когда уже почти все погибло. Получивши донесеніе Волконскаго, Муравьевъ бросилъ свою затѣю и Аянскій трактъ остался только на бумагѣ. Барсуковъ нашелъ возможность воспользоваться и этимъ, чтобы «сказать нѣсколько теплыхъ словъ» въ пользу генералъ-губернатора. «Тутъ сказалось, замѣчаетъ авторъ, еще разъ безпристрастное и лишенное личнаго разсчета отношеніе Муравьева ко всякому серьезному дѣлу: настоявъ съ трудомъ въ Петербургѣ на заселеніи Аянскаго тракта и поручивъ это дѣло своему ближнему сотруднику Корсакову, онъ не могъ не желать его упроченія, и тѣмъ не менѣе, всмотрѣвшись въ представленные ему доводы, сразу отказался отъ одной изъ своихъ

завѣтныхъ мыслей, *откровенно признавъ*, какой дорогой цѣной она покупается (стр. 357)». До чего простирается въ данномъ случаѣ пристрастіе Барсукова къ дѣятельности Муравьева, можно судить потому, что даже ревностный защитникъ Муравьева, Заборинскій, находитъ возможность порицать этого генералъ-губернатора за его отношеніе къ дѣлу заселенія Аянскаго тракта. «При всѣхъ своихъ достоинствахъ, пишетъ Заборинскій, Н. Н. Муравьевъ какъ отъ болѣзненнаго состоянія, такъ и отъ усвоеннаго имъ, существовавшаго въ то время — принципа начальнической непогрѣшимости, а частію и отъ безусловной покорности и угодливости подчиненныхъ, нерѣдко былъ упрямъ въ исполненіи своихъ распоряженій, хотя таковыя и не согласовались съ нѣкоторыми обстоятельствами, бывшими ему неизвѣстными, или открывшимися при самомъ исполненіи на мѣстѣ. Къ числу ошибочныхъ мѣропріятій относится . . . заселеніе по рр. Алдану и Мань (Якутско-Аянскій трактъ) *нѣсколькихъ десятковъ семействъ (102 семейства) изъ старообрядцевъ, изъ которыхъ, чрезъ три года по переселенію, осталось всего десять душъ, а остальные погибли отъ тифа и цынги*. Когда въ разговорѣ со мною Н. Н. упомянулъ о сдѣланномъ уже имъ распоряженіи о переселеніи на назначенные пункты старообрядцевъ, то я возразилъ со своей стороны, что можно впасть въ большія ошибки, указывая пункты заселенія безъ подробнаго изслѣдованія окружающей мѣстности, а по одному наглядному обзрѣнію и при содѣйствіи только маршрутной съемки, обнимающей весьма небольшой по сторонамъ пути раіонъ» (Р. Стар. 1883 г. іюнь, стр. 625).

Теперь будетъ рѣчь о заселеніи Амура. Казалось бы, что первый опытъ переселенія крестьянъ долженъ былъ сдѣлать Муравьева осторожнѣе. Но это было противъ его характера. Еще ранѣе Айгунскаго договора, утвердившаго за нами только лѣвый берегъ Амура, Муравьевъ рѣшился заселять эту рѣку русскими людьми и прежде всего правый берегъ ея низовья на трехсот-верстномъ протяженіи. Сдѣлали вызовъ охотниковъ для поселенія